

Глава 8. Чтение вместе с наставником

На обратном пути Сюань Ли, глядя на то, как Линь Цанхэ бережно прижимает к себе бессмертный меч, не удержался от вопроса:

— Зачем ты постоянно таскаешь эту штуку в руках?

С тех пор как его духовные каналы открылись, Линь Цанхэ чувствовал, что прежняя сила постепенно возвращается. Сначала он порывался убрать меч, казавшийся лишь помехой, но вовремя спохватился: сейчас он — круглый невежда, ничего не смыслящий в магии. Пришлось тащить оружие в руках. И вот теперь, когда наставник наконец спросил об этом, Цанхэ растерянно захлопал глазами.

Сюань Ли прижал ладонь ко лбу:

— Совсем из головы вылетело... Я же не научил тебя призывать и убирать меч. Эх, не было у меня никогда учеников, вот и забываю элементарные вещи. Смотри внимательно.

Сюань Ли медленно переплел пальцы, формируя печать. Цанхэ следил за каждым его движением с предельным сосредоточением.

Для Цанхэ убрать клинок было секундным делом. Но, помня о своей роли, он нарочито неуклюже повторил жесты наставника, путаясь в пальцах, и лишь со второй попытки заставил оружие исчезнуть.

Сюань Ли застыл от удивления. Во всем поднебесном мире нашлось бы от силы несколько заклинателей, способных повторить эту печать с первого раза. Неужели ему достался настоящий гений? С такими талантами этот парень через сотню лет точно затмит всех прочих адептов. Настроение владыки стремительно улучшилось. Он ласково взъерошил темные волосы ученика:

— Очень хорошо. Просто отлично.

Вернувшись во Дворец Небесного Механизма, они направились в кабинет и по дороге столкнулись с дядюшкой Фу. Сюань Ли окликнул его:

— Дядюшка Фу, пойдёмте с нами. Я собираюсь обучить Цанхэ грамоте, помогите нам растереть тушь.

Старик, который только что безуспешно искал их в Миражной обители Струящейся Киновари, с радостью ухватился за эту возможность и закивал.

В кабинете старик быстро приготовил тушь и скромно отступил к стене.

Сюань Ли подошёл к письменному столу, расстелил лист рисовой бумаги, обмакнул кисть и принялся увлечённо писать. Он трудился так сосредоточенно, что закончил лишь спустя приличное время. Осмотрев плоды своих трудов, владыка удовлетворенно кивнул:

— Цанхэ, подойди ближе.

Юноша послушно приблизился. Сюань Ли указал кончиком кисти на три свежих иероглифа:

— Линь... Цан... хэ. Это твоё имя.

Цанхэ едва сдержал смешок. Почерк Мужун Тринадцатого остался точно таким же, как и прежде — неопишимо «своеобразным». С трудом сохраняя серьёзное выражение лица, он послушно повторил:

— Линь Цанхэ. Моё имя.

Дядюшка Фу не удержался от любопытства и вытянул шею, заглядывая в лист. Его лицо мгновенно скривилось, став похожим на сморщенный пирожок.

«С самого детства у молодого господина почерк был хуже некуда. Сколько раз старый хозяин порол его за эти каракули! Один раз до того рассвирепел, что за палку схватился. И надо же, столько лет прошло, а пишет всё так же... убого. Посади паука на бумагу — и тот аккуратнее наползает! Говорят же, что почерк отражает душу человека, но с молодым господином это правило явно дало сбой. Схватывает всё на лету, собой хорош, вылитый небожитель, а пишет как курица лапой! Нельзя ему на людях писать, иначе приличную жену мы ему вовек не сыщем...»

Старик обреченно покачал головой.

— Начнём со знакомства с кистью, — Сюань Ли протянул её ученику. — Как только приновишься, напиши эти три иероглифа двести раз.

Цанхэ послушно закивал, но тут же осмыслил услышанное, и его глаза округлились:

— А?

«Тринадцатый явно раскусил мою притворную неуклюжесть и решил поиздеваться. Что ж, раз так, эти двести строчек я ему просто так не отдам»

Юноша замер с кистью в руке, не решаясь опустить её на бумагу, а затем виновато посмотрел на наставника.

Решив, что ученик просто робеет, Сюань Ли мягко накрыл его ладонь своей. Он поправил положение пальцев на древке кисти и принялся плавно вести руку юноши, выводя черту за чертой. Написав так имя несколько раз, Сюань Ли отпустил его.

Цанхэ ждал этого момента, но едва тёплые пальцы наставника коснулись его руки, как сердце предательски заколотилось, а мысли мгновенно разлетелись. Он пришёл в себя лишь тогда, когда Сюань Ли отстранился.

Заметив, что уши ученика густо покраснели, Сюань Ли невольно вспомнил Лань И. В Кровавом царстве бесконечности тот вел себя точно так же — стоило подойти чуть ближе, как парень заливался румянцем. Владыка мысленно покачал головой. В последнее время он ловил себя на том, что слишком часто сравнивает этих двоих. Почувствовав укол вины перед Цанхэ, он смягчил тон:

— Ладно, напиши сто раз.

Цанхэ кротко кивнул.

«Впредь нужно держаться от Тринадцатого чуть дальше. Один-два раза такую реакцию ещё можно списать на смущение, но если это повторится, он заподозрит неладное»

Он усердно принялся за работу, старательно изображая неумелого новичка.

Дядюшка Фу долго терпел, но в конце концов не выдержал:

— Не так, всё не так! Молодой господин, кто же начинает обучение с таких сложных иероглифов? Грамоту осваивают с азов! Ну или хотя бы дали бы ему переписать «Тысячесловие»... А то, чему вы его учите... Вы же просто губите талант!

Маленький лазурный змей, пристроившийся неподалёку, согласно закивал крошечной головой.

Сюань Ли недовольно сощурился, глядя на старика:

— Кто здесь наставник, дядюшка Фу — я или вы? И ты, змеёныш, тоже недоволен? Вот тебе свиток с техникой, вызубри его от корки до корки. Через две недели лично проверю.

Змеёныш застыл в полнейшем шоке. В этот миг он горько пожалел о своей дерзости и поклялся себе держаться как можно дальше от Линь Цанхэ, когда того будут учить.

Испугавшись, что и его нагрузят какой-нибудь непосильной работой, дядюшка Фу торопливо замахал руками:

— Вы, конечно же, вы! Мой язык — мой враг, молчу-молчу!

Старик послушно затих, но, глядя, с каким трудом Цанхэ выводит сложные черты, то и дело порывался дать совет. Однако каждый раз натывался на ледяной предупреждающий взгляд Сюань Ли.

Поняв, что спорить с владыкой бесполезно, дядюшка Фу сосредоточил всё внимание на юноше. Поначалу Цанхэ держал кисть крайне неловко, а его каракули выходили кривыми и косыми. Однако уже после десятка попыток иероглифы начали обретать чёткость и стройность. Старик удивленно цокнул языком. Справиться с такими трудными знаками всего за пару минут — если этот парень не учился грамоте раньше, то он самый настоящий гений!

Ещё через десяток повторений имя «Линь Цанхэ» на бумаге выглядело на удивление гармонично. Несмотря на некоторую детскую угловатость, эти иероглифы вышли куда изящнее тех, что написал сам наставник.

Дядюшка Фу довольно закивал. Цанхэ обернулся и с улыбкой посмотрел на Сюань Ли. В глазах владыки тоже заплесали весёлые искорки.

«Изображать из себя неуча перед искушённым заклинателем — задача не из лёгких, правда?»

Сюань Ли ласково потрепал юношу по голове:

— Отличный прогресс. Старания нашего маленького Цанхэ не прошли даром.

Линь Цанхэ почувствовал, как краска приливает к его щекам. На этот раз смущение было вполне искренним. Он не мог понять, почему Тринадцатый, прекрасно видя его притворство, продолжает подыгрывать и хвалить.

— Цанхэ, помни: это твоё имя, — мягко произнёс Сюань Ли. — Кто бы ты ни был и что бы ни случилось, никогда не забывай, кто ты есть на самом деле.

— Да, наставник, — серьёзно кивнул юноша.

Сюань Ли достал из шкафа свиток и положил его перед учеником:

— Этот труд зовётся «Тысячесловием».

Он раскрыл книгу и принялся читать, объясняя каждое слово:

— «Небо темное, земля желтая, вселенная безгранична и хаотична. Солнце и луна сменяют друг друга, звезды сияют в небесном просторе. Холод сменяется теплом, за осенью приходит зима...» Это означает, что небосвод глубок и тёмн, а земля полна жизни и желтизны. Мир зародился из первозданного хаоса. Луна полнеет и убывает, солнце клонится к закату, а мириады звёзд рассыпаны по бескрайнему небу. Холодные ветры сменяются зноем, времена года ведут свой бесконечный танец: осенью собирают урожай, а зимой сберегают зерно в закромах. «Лишние дни складываются в високосный год, музыкальные тоны приводят в лад мужское и женское начала...»

Сюань Ли читал строчку за строчкой, подробно растолковывая глубокий смысл каждого знака. Обучение растянулось на целых два дня.

Цанхэ превосходно разбирался во многих вещах, но классическая каноническая литература всегда наводила на него тоску. В Кровавом царстве бесконечности не было ни смены времён года, ни пахоты, ни зимних запасов. Учеба давалась ему с явным скрипом. Если поначалу он ещё успевал следить за мыслью Сюань Ли, то под конец его разум окончательно затуманился.

К исходу второго дня Цанхэ чувствовал себя так, словно его голова забита густой кашей. Он не мог вспомнить даже те строки, с которых они начинали, и втайне сильно тревожился, что Сюань Ли разочаруется в его способностях и бросит эту затею.

Заметив, что юноша приуныл, Сюань Ли лишь тепло улыбнулся, решив подбодрить его:

— Цанхэ, не переживай. Поначалу древние тексты всегда кажутся тёмными и запутанными, это совершенно естественно. Не торопись. Если какая-то фраза останется непонятной, ты всегда можешь спросить меня или дядюшку Фу.

Напряжение отпустило Цанхэ. Он снова взялся за кисть и принялся переписывать только что разобранный отрывок. Но, сделав несколько мазков, замер.

«Спросить в любое время... В любое?»

Сюань Ли взглянул на лист бумаги и нахмурился. Копируя его движения, мальчик невольно перенял и его манеру письма. Неужели этот ребёнок действительно никогда раньше не держал кисть? Если он продолжит подражать наставнику, то тоже обзаведётся кошмарным почерком. Владыка строго посмотрел на слугу:

— Дядюшка Фу, спуститесь к подножию горы и отыщите для Цанхэ хорошие прописи.

Старик облегчённо выдохнул. Он давно переживал из-за этого, со страхом наблюдая, как иероглифы маленького Цанхэ становятся всё более похожими на кривые закорючки молодого

господина. К счастью, у Сюань Ли хватило благоразумия признать убожество собственного почерка.

— Зачем же спускаться, молодой господин! У меня в закромах припрятано несколько отличных свитков. Сейчас принесу.

Не дожидаясь ответа, старик поспешно скрылся за дверью и вскоре вернулся, бережно держа в руках пять превосходных тетрадей-прописей.

Сюань Ли бегло пролистал их и удовлетворённо кивнул. Старик порой невыносимо раздражал, но дело своё знал туго — образцы каллиграфии были подобраны безупречно. Владыка протянул их ученику:

— Выбери ту, что тебе по душе.

Цанхэ взял прописи, небрежно перелистнул пару страниц и отложил в сторону. Зачем ему чужие образцы? Он просто хотел писать точно так же, как Тринадцатый.

— Наставник... Цанхэ думает... Ваше письмо самое лучшее.

Сюань Ли только открыл рот, чтобы возразить, как дядюшка Фу, испугавшись, что владыка уступит капризу, вмешался:

— Маленький Цанхэ, красивый почерк — лицо заклинателя! Его нужно ставить с ранних лет. У твоего наставника манера письма... кхм... крайне самобытная, но подражать ей не стоит. Поверь, старик желает тебе только блага, со временем сам всё поймёшь.

Но юноша остался непреклонен:

— Я ценю заботу дядюшки Фу, но... мне всё равно больше нравится почерк наставника.

Поняв, что все его уговоры разбились о глухое упрямство, дядюшка Фу едва не схватился за сердце и обречённо вздохнул:

— Безднадёжен... Просто безнадёжен.

Сюань Ли тем временем задумчиво перебирал прописи и в конце концов вытащил одну из них:

— Дядюшка Фу, у вас найдётся ещё одна точно такая же книга?

Старик растерялся:

— Найти-то найду. Но зачем она вам?

— Принесите вторую такую же, — распорядился Сюань Ли, а затем повернулся к Цанхэ. — Я знаю, что ты хотел писать как я, верно?

Юноша виновато опустил голову:

— Наставник... я слишком своенравен?

Сюань Ли мягко рассмеялся и ласково взъерошил его волосы:

— Почерк у меня и впрямь скверный. Если ты станешь писать так же, над нашим Дворцом Небесного Механизма будут потешаться все окрестные секты. Ты ведь не хочешь, чтобы нас считали сборищем безграмотных неучей?

Цанхэ молчал, не поднимая глаз. Сюань Ли продолжил:

— Давай сделаем так: мы станем тренироваться вместе по одной и той же книге. Согласен?

Юноша вскинул голову, и в его глазах вспыхнул такой яркий восторг, что Сюань Ли на миг зажмурился. Он помнил, как сильно Тринадцатый ненавидел каллиграфию.

— Договорились, — с улыбкой подытожил владыка. — Мне тоже нравится этот слог. Будем заниматься вдвоём, а через год проверим, кто из нас преуспел больше.

— Да! — твёрдо пообещал Цанхэ. — Я приложу все силы.

Дядюшка Фу застыл с разинутым ртом. Даже суровые наказания старого хозяина не могли заставить молодого господина взяться за каллиграфию, а тут ради этого мальчишки он добровольно согласился выводить иероглифы! Старик крепко зажмурился и со всей силы влепил себе пощёчину, проверяя, не спит ли.

Звонкий хлопок заставил Сюань Ли и Цанхэ удивлённо обернуться. Дядюшка Фу неловко заулыбался, потирая горящую щеку:

— Ох... комар проклятый... Укусить хотел, еле прихлопнул.

С этого дня Цанхэ полностью погрузился в изучение «Тысячесловия». Днём он прилежно заучивал толкования, расспрашивая Сюань Ли о каждой трудной фразе, а по вечерам они садились бок о бок под свет светильника и усердно копировали прописи, закрепляя пройденное за день.

Месяц упорных тренировок не прошёл даром: юноша полностью освоил сложный текст, а его почерк обрёл уверенность и изящество.

В один из дней Цанхэ с сияющим видом подбежал к Сюань Ли, держа в руках свежий лист рисовой бумаги:

— Наставник, посмотрите! Как вам мои успехи?

Владыка взглянул на развёрнутый свиток. На нём аккуратными, упругими штрихами, напоминающими взмах крыла испуганного лебедя, были выведены пять иероглифов: «Сюань Ли, Линь Цанхэ».

Сюань Ли тепло улыбнулся и ласково потрепал юношу по голове:

— Невероятный шаг вперёд. Твои труды полностью оправдали себя, мой маленький Цанхэ.

Юноша довольно прищурился, напоминая сытого кота.

Дядюшка Фу, крутившийся рядом, тут же сунул свой любопытный нос в бумагу. Обнаружив на листе лишь два имени, он заметно погрузстнел и обиженно проворчал:

— А где же я? Маленький Цанхэ, неужели старик не заслужил даже строчки?

— Ну что вы, дядюшка Фу, ваше имя тоже здесь! Вот, глядите.

Радость старика мгновенно улетучилась, когда он проследил за пальцем юноши, указавшим на самый край листа. Там, едва видимые, ютились два крошечных, размером с кунжутное семечко, иероглифа. Лицо дядюшки Фу мгновенно потемнело.

Сюань Ли присмотрелся и, наконец разглядев надпись, покатылся со смеху:

— Ох, Цанхэ, ну и шутник! Bravo! Ха-ха-ха!

Старик окончательно рассвирепел:

— Почему моё имя такое крошечное?! Паршивец, если ты сейчас же всё не объяснишь, я тебе всю задницу наизнанку выверну!

Цанхэ, сияя от радости за развеселившегося наставника, юрко спрятался за широкую спину Сюань Ли.

— Сегодня тебя никто не спасёт! — взревел дядюшка Фу, пытаясь обойти владыку.

Сюань Ли со смехом заслонил ученика собой:

— Полно вам, старик! Посмотрите на это с другой стороны: выводить столь мелкие знаки — тончайшая работа! Цанхэ наверняка потратил кучу времени и сил, чтобы уместить ваше имя на самом краешке. Эти два иероглифа — самые ценные на всём листе!

Дядюшка Фу недоверчиво прищурился:

— Правда?

Сюань Ли и Цанхэ в один голос заверили:

— Чистейшая правда!

— Да чтоб я так жил! — фыркнул старик, окончательно потеряв терпение. Он стащил с ноги туфлю и с криками принялся гоняться за юношей по всему кабинету.

Сюань Ли с улыбкой покачал головой, но вдруг замер. Кажется, он упустил из виду нечто важное... Точно! Он же обещал проверить знания маленького змеёныша. Оставив шумящую парочку, владыка тихо покинул кабинет.

Заметив уход наставника, Цанхэ замедлил шаг. Неужели Тринадцатому досадил этот шум?

Но дядюшка Фу и не думал останавливаться. Воспользовавшись заминкой, он ловко настиг беглеца и шуточно отвесил ему лёгкий подзатыльник. Цанхэ встряхнул головой:

— Ладно-ладно, дядюшка Фу, сдаюсь. Хватит ребячиться.

Юноша вернулся к столу и с головой ушёл в чтение других свитков.

Тем временем Сюань Ли отыскал маленького зелёного змея. Проверка показала, что тот заучил трактат безупречно. Похвалив прилежного ученика, владыка подробно разобрал несколько сложных мест, в которых змеёныш никак не мог разобраться самостоятельно.

Когда Сюань Ли впервые вручил ему свиток, Лазурный удав решил, что это изощрённое наказание, и взялся за чтение без всякой охоты. Однако стоило ему углубиться в текст, как он замер от потрясения. Перед ним лежало древнее руководство по самосовершенствованию для

духовных зверей, написанное великим предком их рода. Подобных сокровищ не было даже у старейшин клана Лазурных удавов! Это была бесценная реликвия заклинательного мира.

А глубокие, точные пояснения Сюань Ли заставили змейку совершенно иначе взглянуть на сам путь духовного возвышения. Вся былая обида на владыку мгновенно испарилась, уступив место безграничному почтению и искренней признательности.

Перед уходом Сюань Ли ласково подбодрил маленького ученика. Тот почтительно склонил голову и уполз в уединённый уголок, чтобы немедленно приступить к медитации.

<http://bllate.org/book/18239/1747998>